

65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Война в судьбе моей...

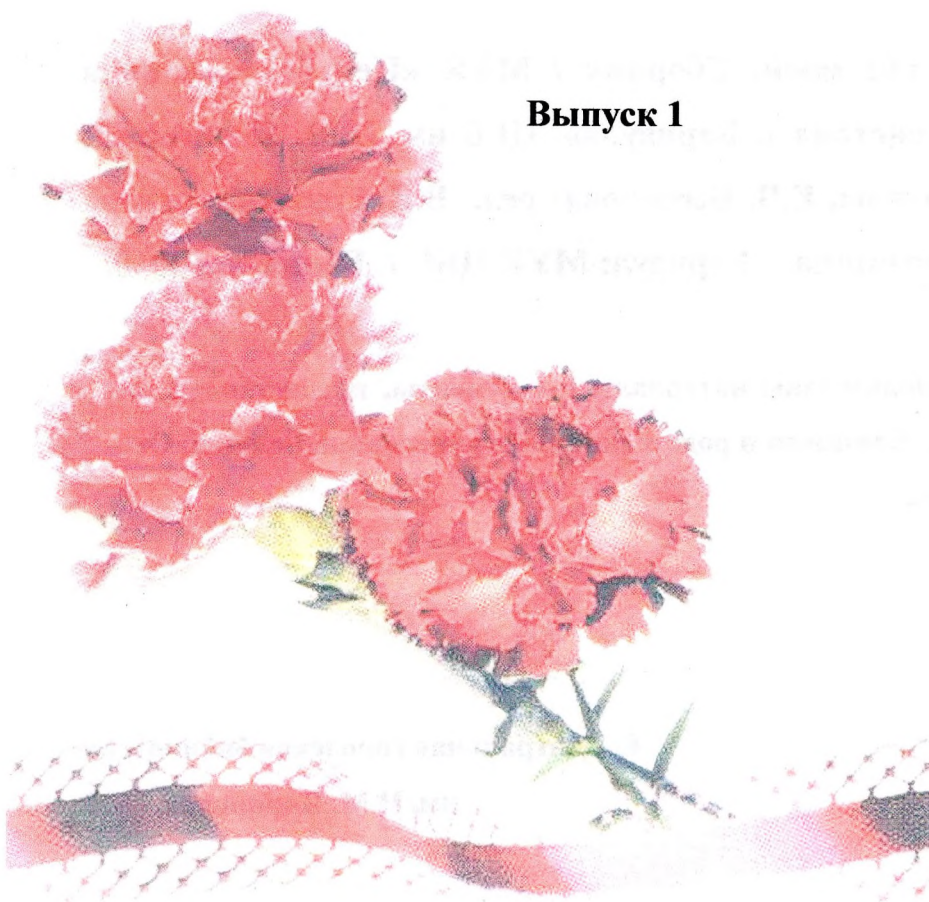
**Сборник
воспоминаний барнаульцев
о Великой Отечественной войне**

**МУК «Централизованная библиотечная система г. Барнаула»
Центральная городская библиотека им. Н.М. Ядринцева
Отдел документного обслуживания и коммуникативных услуг**

**Сборник
воспоминаний барнаульцев
о Великой Отечественной войне**

Выпуск 1

Читальный зал

Библиотека
имени Н. М. Ядринцева
г. Барнаул

Барнаул 2010

Составители: И.В. Фролова, Е.В. Бессонова

Редактор: В.В. Груздева

Ответственный за выпуск А.Г. Истомина

Война в судьбе моей. Сборник / МУК «Централизованная библиотечная система г. Барнаула», ЦГБ им. Н.М. Ядринцева; сост.: И.В. Фролова, Е.В. Бессонова; ред. В.В. Груздева; отв. за выпуск А.Г. Истомина. - Барнаул: МУК ЦБС г. Барнаула, 2010. - 38 с.

В сборнике использованы материалы и документы, предоставленные ветеранами ВОВ, близкими и родственниками участников Великой Отечественной войны.

© Центральная городская библиотека

им. Н.М. Ядринцева, 2010

От составителей

Всё дальше и дальше уходят эти грозные, трудные годы. Всё меньше среди нас участников, очевидцев тех трагических событий. Настанет день, когда уже некому будет рассказать потомкам о той страшной войне – Великой Отечественной...

Вы держите в руках первый выпуск сборника, составленного по материалам «Марафона памяти», который проходил в Центральной городской библиотеке им. Н. М. Ядринцева и был посвящен 65-летию Победы в Великой Отечественной войне.

В первую часть нашего сборника вошли воспоминания участников Великой Отечественной войны, а также рассказы о родных и близких, не вернувшихся с полей сражений, память о подвиге которых передаётся из поколения в поколение.

Благодарим всех, кто откликнулся и предоставил материалы и документы тех лет; кто бережно хранит память о родных и близких, прошедших суровую школу войны; о тех, кто погиб, защищая свою Родину; о тех, кто работал в тылу, чьё детство опалила война; о тех, кто не дожил до Победы: Белогруд Т.А., Занину Н.Т., Бурмагина Н.Ю., Ясенкова И., Шадрину Е.П., Шестирко В.К., Готову Т., Асташина Д.К., Серых И.Я., Фролову И.В., Цыганкова М.Г.

**Белоград Татьяна Александровна,
дочь ветерана Великой Отечественной войны
Белых Александра Александровича,
вспоминает о своём отце.**

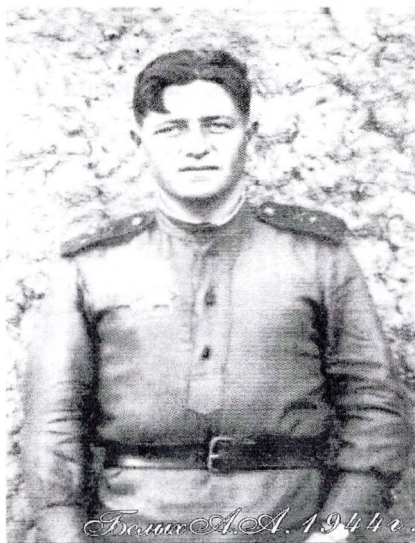
У времени есть своя память – история. Мир никогда не забывает о трагедиях, о жестоких войнах. Унёсших миллионы жизней, разрушивших всё, что создано людьми. Прошло 65 лет с тех пор, как закончилась война, эхо которой не затихнет в людских сердцах. Мы не имеем права забывать ужасы той войны. Мы не имеем права забыть тех, которые погибли ради того, чтобы сейчас жили мы. День Победы – радостный и горький праздник. Да он и не может быть иным, так как в этот день не бывает радости без слез печали. В майские дни оживает природа. Мы чувствуем, как прекрасна жизнь, как дорога она нам. Мы понимаем, что за всё, что имеем мы обязаны тем, кто воевал, кто погиб и выжил в тех адских условиях когда казалось, что невозможно было выжить.

Мой отец – участник ВОВ Белых Александр Александрович 1924 года

рождения (село Кочки Кочковского района Новосибирской области). Ему исполнилось 18 лет, когда его призвали на фронт. Он прошёл долгий, тяжёлый военный путь от рядового до старшего лейтенанта.

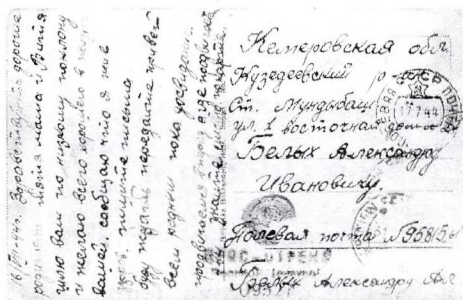

После окончания миномётного училища был командиром взвода, в 1943 году получил тяжёлое ранение под Сталинградом. Это были очень тяжёлые бои. После госпиталя вернулся в строй. Второе ранение было

под Курской дугой. Третье ранение было осколочным в ногу при взятии города Намслац в Германии.

День Победы отец встретил в Новосибирске, вскоре их часть перебросили в Манчжурию на борьбу с Японскими милитаристами. С войны папа вернулся в июне 1947 года. За

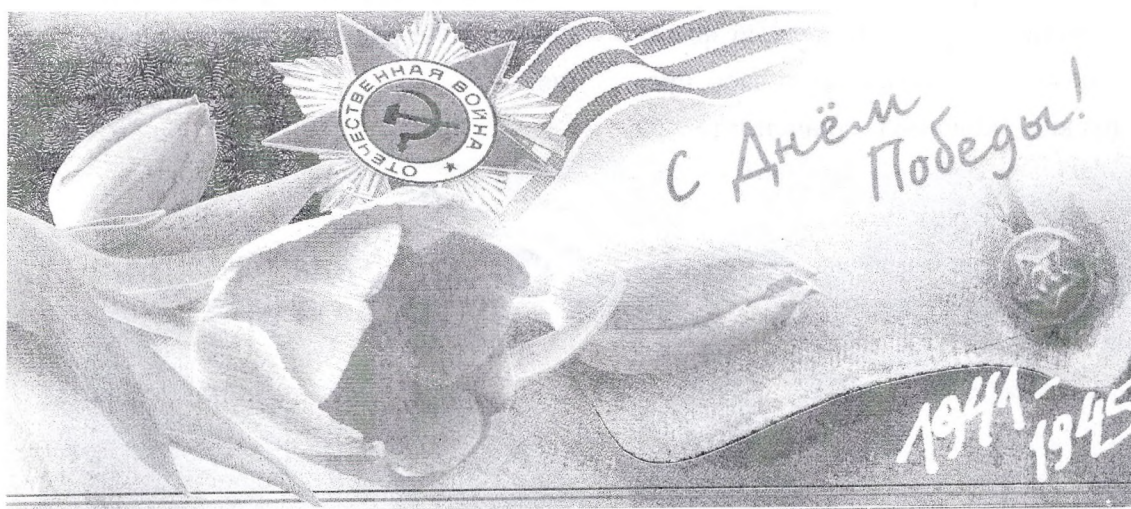

боевые заслуги награждён двумя орденами «Красной Звезды», медалью «За победу над Японией» и многими другими медалями.

29 декабря 2005 года скончался, а 9 мая того года, как обычно, ходил к обелиску Славы, возлагал цветы...

В дни празднования 65-й годовщины Победы с чувством огромной благодарности мы обращаемся к ветеранам! Вспоминаем тех, кого с нами нет, и поздравляем тех, кто жив. Дай бог вам здоровья и наше внимание!

Низкий вам поклон!

«Моя Победа!»

**Занина Нина Терентьевна,
ветеран Великой Отечественной войны**

Я, Занина (Волкова Нина Терентьевна) была призвана на фронт 24 ноября 1942 года. Мне было тогда 19 лет (20.07 – 1923 г. рождения). Из Барнаула нас отправили в Москву, а из Москвы в город Серпухов. Там два месяца я обучалась в женском запасном полку.

В результате распределения, я попала в действующую Армию, в военно-автомобильную часть №25, дорожный комендантский участок №85, третий Белорусский фронт. Потом нас перебросили на четвёртый Украинский фронт.

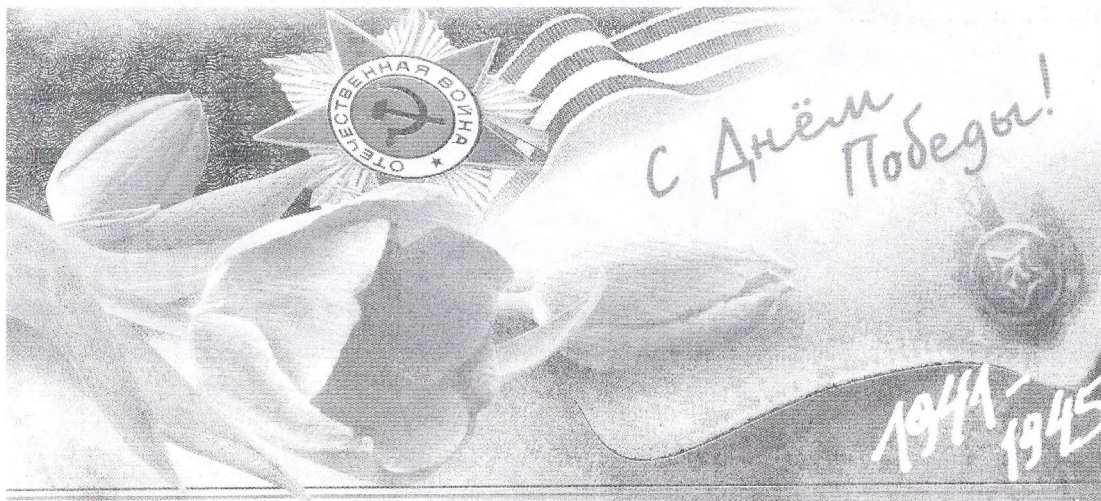
*Занина Нина Терентьевна
до января 1943 г. фото: разминирование до конца своего
переза-в. в. федерации в Белорусию.*

Служила регулировщицей. В мороз и зной, дождь и ветер на посту. В руках красный и жёлтый флажки, как заведённая крутилась, пропуская колонны транспорта на

фронт и с фронта. Пыль, запах бензина - руки ломило, затекали до

головокружения, но уйти с поста было нельзя. Наша часть всё время шла за фронтом, опасность подстерегала на каждом шагу, так возвращаясь с дежурства, увидела разбомблённое наше постоянное жилище.

Некоторых девушек не стало...

В очередной бомбёжке я получила контузию.

Мы, молоденькие девчонки, вшестером были неразлучны. После Победы долго ещё переписывались, обменивались фотографиями, помнили всё до малейших подробностей.

И как стояли на посту, и налёты вражеских самолётов и разбитые города Европы, и Берлин, гитлеровский бункер-кабинет, разбомбленный в результате прямого попадания и Великую Победу, которую я встретила в Берлине, расписалась на Рейхстаге. Мы, молодые девчонки, видели настоящий страх и настоящую радость Победы, Знамя над

Рейхстагом, которое теперь осталось только на фото, да в рассказах.

Демобилизовалась я в августе 1945 года. Имею звание ефрейтора, «Отличный дорожник», боевые награды. У меня есть дочь и сын, внуки, правнучка и правнук.

17. 02. 2010

**Бурмагин Юрий Николаевич
вспоминает о своём отце**

Бурмагин Николай Иванович родился 11 мая 1912 года в Пензенской области в с. Чибирлей. После окончания школы шоферов в мирное время работал шофёром-механиком. Участвовал в Финской компании и Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

В действующей армии служил военным шофёром на разных авто-

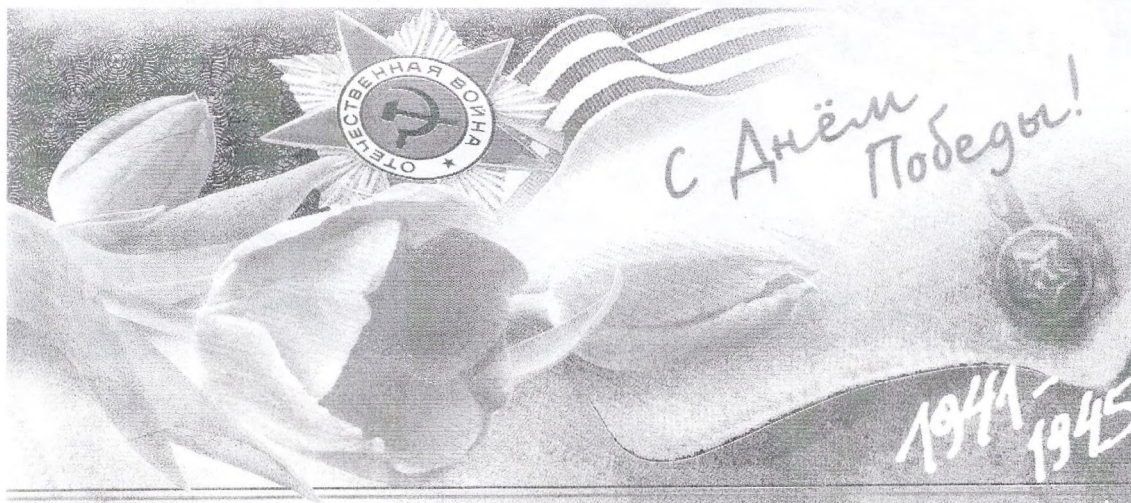
мобилях. Приходилось выполнять задания по перевозке военных грузов; возить продовольствие по льду Ладожского озера для жителей блокадного Ленинграда

За мужество и отвагу при выполнении особого задания Бурмагин Николай Иванович был награждён медалью «За отвагу», которую вручил в Кремле М.И. Калинин.

Награжден орденом за участие в Великой Отечественной войне и другими медалями.

Жена Николая Ивановича Мария Ивановна работала и жила в Ульяновской области в селе Радищево. Работала в детском саду, вырастила троих детей.

Сын - Бурмагин Юрий Николаевич 1939 года рождения, закончив строительный институт, приехал работать в Алтайский край. Работал в системе треста «Алтайстрой» более 40 лет.

Приходилось строить Аэровокзал в Барнауле, железнодорожные пути и другие объекты в Алтайском крае и за его пределами.

Последние 17 лет жизни Николай Иванович проживал с дочерью Валентиной и ушёл из жизни 19 июля 1988 года.

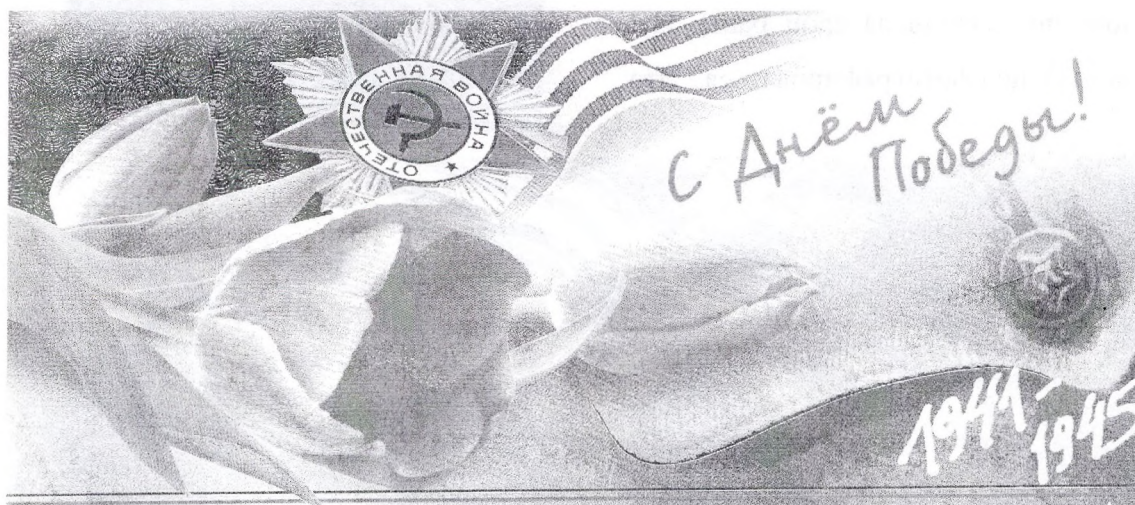

На добрую и добрую
память семье:
Марии Юрьевны и Николаю
Павловичу сыну
на своего папу
получил от мамы
свой первый подарок
с коротким предисловием

24/12-93
Донбас город
Краснодон

Дочь Галина после окончания Московского государственного университета работает журналистом в ИТАР ТАСС в Москве.

Другая дочь Валентина проживает в городе Белгороде.

**И ведём своё мы
летоисчисление не от
дней рождения - от
войны.**

Глядя на эту фотографию молодого человека в форме морского офицера, непосвящённый может подумать, что она сделана в настоящее время. Но это не так. Снимку почти 65 лет!

Конец войны, ожидание демобилизации, встреча с новой, совершенно неизведанной, но не менее трудной жизнью на гражданке.

Вот тогда-то, прежде чем сменить форму старшего лейтенанта на гражданскую одежду он, Николай Моржов, решил, наконец, запечатлеть себя на фотографии. На земле уже был мир. Страна хоть и с трудом, но залечивала свои раны. Ну, как тут не сфотографироваться? Это

**Ясенков И., участник
Великой Отечественной войны,
«Фронтовые были»**

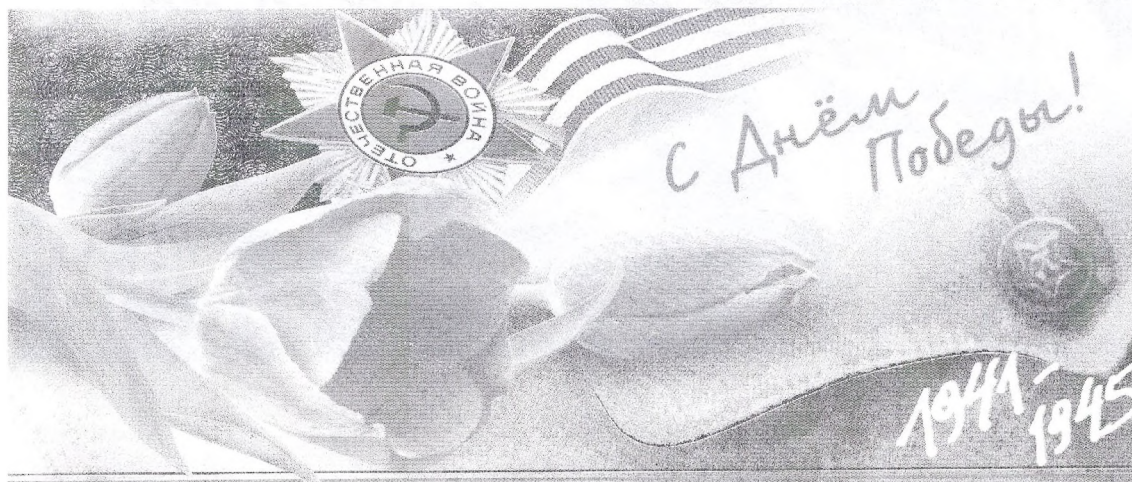
на войне было не до того... Жаль только, что не видно на снимке боевых наград. А у него – 6 медалей.

Достаточно только фразы «защищал Севастополь в 41-м году...» И мы поймём, какие муки ада довелось пройти 18-ти летнему курсанту военно-морского училища береговой охраны...

Прошли десятилетия. Красивая форма морского офицера не сохранилась. Только вот фотография и осталась...

Снайперы Великой Отечественной.
Впереди еще два года войны.

Недаром Ладога родная «Дорогой жизни» названа

Туда, где смертельная опасность.

Начало февраля сорок второго. Наше стрелковое соединение – два месяца в пути. Давно остались позади: Карельский перешеек, двадцать третья армия, сотни километров заснеженных полей, болот, дремучих лесов...

Плетёмся по азимуту гуськом. Впереди – разведка. За ней – сапёры, штаб дивизии, полки, наш отдельный батальон связи. Замыкает походную колонну санбат.

Автомашины, танки, артиллерия движутся по другому маршруту.

С нами – стрелковое оружие, боеприпасы... Тяжёлые грузы в волокушах тащим за лямки, как волжские бурлаки в былые времена. Лёгкую поклажу пристроили на своих горбах.

В дороге фашистские стервятники обрушили на нас два мощных удара. Один – на открытой местности. Второй – в непроходимом лесу. Потери незначительны.

Короткие привалы делались только для трапезы. Мёрзлый хлеб пилили пилой и ели его с такой же свиной тушёнкой, потому как разводить костры категорически запрещалось, дабы не обнаружить себя.

Спали на ходу. Тот, кто от уста-

лости присаживался на снег в стороне от тропы, мог замёрзнуть, никем не замеченный. Четыре месяца не мылись, не меняли бельё. Расплодились вши. Утренний туалет – мыло со снегом. Валенки покрылись льдом.

– Куда движемся, как черепахи? – спрашивали себя. Вначале никто из подчинённых не знал об этом. Военная тайна. Потом просочилась информация – на Волховский фронт, на тот участок, где противник пытается замкнуть второе кольцо вокруг осаждённого Ленинграда.

Ладога.

Перед нами – «Дорога жизни». Ладога закована в ледяной панцирь. Дни и ночи из Ленинграда тянулись колонны автомашин с детьми, больными, ранеными...

В сторону города направляются колонны военных, автомобилей. Постоянно действует воздушный мост «Большая земля – Ленинград».

Повсюду лунки от бомб и снарядов, разбитые автомашины.

Зенитные орудия, пулемёты, опоясанные ледяными блоками, отражают атаки фашистов, охраняя войска и транспорт.

Моряки и дорожники очищают трассы от снежных заносов и торосов.

Откуда берётся, прибавляется сила, выносливость, боеспособность в сложнейшей ситуации? Преданность Отечеству. Ненависть к захватчикам. Отчаянный зов ленинградцев. Они двигали вперёд защитников осаждённого города.

Духовная пища

Любая война – это кровь, гибель людей, разруха, горе, страдания, слёзы, разлука...

От всего этого человек черствеет, ожесточается, притупляются его лучшие качества. Как и чем можно размягчить душу, разбудить в человеке человеческое, добрые мысли и чувства?

Каждый день наш батальонный почтальон приносил нам центральные газеты: «Красная Звезда», «Комсомольская правда», «Известия». Получали мы и фронтовую, и армейскую, и дивизионную газеты.

А читал ли книги солдат на войне? Да, в свободные минуты и часы. А где же их брали? В дивизионной библиотеке даже классику русскую и иностранную.

В сорок первом на Карельском перешейке в ближайших тылах нашей дивизии работали на строительстве оборонительных сооружений свыше трёх тысяч ленинградцев. Они располагались в деревне неподалёку от нас.

Зачастую мы, свободные от служебных обязанностей, ходили туда на концерты, так как среди трудармейцев были и артисты ленинградских театров. На Волховском фронте в дни затишья нас морально «заряжали» кинофильмами, документальными и художественными.

Благотворно сказывались на наших чувствах и концерты армейской и дивизионной художественной самодеятельности.

А что может быть лучше русской народной песни на войне?

В действующей армии ежедневно давали по сто граммов наркомовских. Причастимся и затыгиваем: «Выпьем за тех, кто командовал ротами, кто умирал на снегу, кто в Ленинград пробирался болотами, горло ломая врагу». Или «Споёмте, друзья, ведь завтра в поход...»

Ни живы, ни мертвы

Летняя пора. Голубое безоблачное небо. Вдали слышен грохот канонады. Туда тягач тащит пушку крупного калибра. В машине – орудийный расчёт и командир батареи Чернышов. Каждый думает, вероятно, о том, что их ждёт впереди.

Откуда-то неожиданно вынырнул фашистский бомбардировщик.

Тягач остановился. По команде комбата артиллеристы бросились к огромному ивовому кусту в надежде укрыться от стервятника.

Бомба с нарастающим свистом неслась в сторону артиллеристов. В их глазах померкло небо. Душа ушла в пятки. Волосы дыбом.

По точному расчёту штурмана бомба грохнулась в самый центр куста.

Земля под артиллеристами заходила ходуном. У всех перехватило дыхание. Ни живы, ни мертвы. Медленно потянулись секунды томительного ожидания: рванёт или пронесёт. Каждый очевидно, в подсознании, верил в одно – рванёт, и останутся от него только мокрое место и воспоминания одно-

полчан.

Несколько минут прошло в оцепенении. Взрыва не последовало. Вражеский «подарок», уйдя в глубь земли, успокоился там. Ошеломлённые дальноточники медленно поднялись, поправили обмундирование. Растерянно поглядывая друг на друга, неторопливо потянулись к тягачу.

Когда смертельный страх немного улегся, и артиллеристы были уже за сотни метров от опасного места, пожилой наводчик высказал своё убеждение:

-Товарищ капитан, а всё-таки Бог есть...

-Может быть. Кто знает,- уклончиво отозвался командир.

Охраняя небо

Старшину Куберскую назначили командиром взвода управления и разведки.

Майор, командир отдельного артдивизиона предупредил её: «Смотри, Александра, в оба. Если проворонишь врага, может произойти непоправимое...» Приказ есть приказ. Прежде у неё в отделении были лишь дальноточники, теперь же добавились разведчики, связисты. Круглые сутки приходилось отвечать за всё, что делалось в подразделении.

Лётчики авиаполка, действующего на Втором Украинском фронте, нанесли мощные удары по важнейшим объектам, скоплениям боевой техники

и живой силы противника. Немецкие разведчики многократно засекали расположение аэродрома. Но взвод Куберской бдительно нёс боевую вахту. Не умолкали телефонные донесения: «Группа вражеских бомбардировщиков в сопровождении истребителей... потолок... курс» Полученная информация без промедления передавалась в штаб.

Александра Павловна вспоминает: «Однажды во время очередного отражения воздушного налёта зенитчиками был подбит фашистский истребитель «Мессершмит-109», который приземлился на нашем аэродроме. На его фюзеляже семнадцать свастика, по количеству сбитых им советских самолётов. Лётчик с холёным лицом, в белых перчатках. На груди железный крест. Наглый вид. Под конвоем он шёл с высоко поднятой головой. «Ничего,- думали мы,- отлетелся, скоро ответит за все злодеяния».

Во взводе, которым командовала Куберская, было двадцать четыре девушки и четыре бывалых солдата. До конца войны стерегли они фронтовое небо, ни одна бомба не упала на объект, который они защищали, не погиб ни один человек из артдивизиона.

Снаряд за пазухой

Противник посылает из дальноточек в наши ближайшие тылы смертельный металл. На передовых позициях относительная тишина, до них рукой подать.

Около штабных землянок прохаживается пожилой часовой в шинели, с трёхлинейкой на ремне. Кто знает, о чём он думает в это время? Возможно, о доме, о семье. А может о неприятном затишьи... И вдруг он остановился, как вкопанный, остолбенел. Лицо стало неподвижным, в глазах мелькнул испуг, Солдат лишился дара речи.

Проходивший мимо пулемётчик на ходу спросил:

-Что с тобой? Тебе плохо?

Часовой молчал.

-Батюшки, - развёл руками пулемётчик.- Да как он сюда попал?- И вытащил из-за пазухи часового ещё не остывший бронебойный снаряд 37 калибра.

На солдатской груди образовался ожог от шального обессилившего куска металла.

Полковые медработники быстро сняли у бойца шок, и он, воспрянув духом оттого, что родился в рубашке, поверив в свою счастливую судьбу, продолжал нести караульную службу.

В безлунную ночь

Мы на острове. Волны Ладоги омывают его скалистые берега.

Подходит к концу третья неделя, как наше воинское соединение дерётся в окружении. Сегодня моряки Ладжской флотилии должны нас переправить на материк.

На исходе дня наша загруженная до отказа трёхтонка уходит на при-

стань последней. В её кузове остаток продовольствия, боеприпасов, имущества связи, пятеро вооружённых пассажиров и станковый пулемёт.

Мы еле-еле ползём по каменистой дороге в гору всё выше и выше, без света... Безлунная ночь. Тёплый августовский дождик стучит по крыше кабины, Справа от нас обрыв.

За рулём опытный водитель Костин. Рядом с ним я – старший этой команды.

-Что будем делать? – Спрашивает меня шофёр. - Не видно ни зги.

- Карабкаться, не то можем оказаться в плену...

Ни он, ни я не помним, как мы сорвались в пропасть с высоты в несколько десятков метров.

Придя в себя, я почувствовал, что кто-то по мне топчется - это шофёр вылезал из кабины.

Кромешная тьма. Чудо, что никто не пострадал!

Рассвело. Перед нами предстала удручающая картина.

Машина лежит на правом боку, прижавшись к огромному валуну. Она несколько не повреждена. Груз разлетелся по зелёной поляне. Много разбилось, пришло в негодность...

Посмотреть вверх – шапка падает.

Машину подняли. Завели. Работает! Закурили. Долго разглядывали друг друга молча, будто впервые встретились.

-Ну и живучи же мы, ребята, - первым заговорил водитель Костин.

- Не каждый поверит, что можно прыгнуть с такой высоты без парашюта 15

и остаться невредимыми.

Каждому по паре сапог, на каждого по mine

На командном пункте нашей стрелковой дивизии собралось около сотни офицеров. Генерал - майор из штаба 54-й армии Волховского фронта рассказал присутствующим о морально — политическом состоянии наших войск. Затем начался обмен мнениями.

На импровизированной трибуне — крепкий молодой командир стрелковой роты. На его ногах ботинки с обмотками.

Генерал спрашивает:

-Старший лейтенант, Вы почему не в сапогах?

-Товарищ генерал, нет сапог.

Генерал возмущённо обращается к присутствующим:

-Помощник командира дивизии по снабжению здесь?

-Так точно! Подполковник...

-Почему командир роты в обмотках, а Вы в хромовых сапогах? Если у вас нет сапог, отдайте свои, а его ботинки возьмите себе.

Сегодня не позднее 18.00 лично мне доложите о том, что офицеру выданы сапоги!

-Разрешите выполнять ваше приказание?

-Выполняйте!

Полковник пулей сорвался с места. Через четверть часа он принёс старше-

му лейтенанту новенькие кирзовые сапоги.

После совещания мы со старшим лейтенантом Зубовым вышли на небольшую поляну. В нескольких десятках шагов от нас шествовал военный с ношей за спиной. В стороне от нас раздался знакомый звук вражеского миномёта: «Бум!» Мина перелетела через впереди идущего. Он упал на дорогу. Мина разорвалась с резким треском.

Немного полежав, невредимый путник поднялся и проследовал дальше.

Не прошло и минуты, как снова: «Бум! Бум!» Мы упали на землю.

Две мины перелетели через нас и взорвались впереди. Мы поднялись и отправились в своё расположение. Зубов тогда спросил меня: «Почему мы живы и невредимы?»

Тогда я ему ничего не ответил...

Немец плачет

Сорок четвёртый. Июль. Окрылённые успехами идём по латвийской земле. Со второй половины дня до захода солнца — бои, бои, бои. Ночью преследуем отступающего противника, почти не встречая сопротивления. На рассвете скоротечный бой с заслоном, прикрывающим отход вражеских войск. Пехота врывается в траншеи. Кто-то крикнул: «Ребята, немец спит...»

Разбудили, вытащили из окопа. Забрали автомат. Стоит, бедняга, - средне-

го роста, щуплый, трясётся, плачет. Слёзы текут по щекам ручьём.

Заглянули в документы — пацан, шестнадцать лет. Робко бормочет: «Гитлер капут, Гитлер капут...»

Пожалели пленного пустить в расход. Отправили в штаб стрелкового полка.

Один из миллионов

В сорок первом Ивана Корунного, студента ленинградского ВУЗа, Отчизна позвала на защиту колыбели революции. Из нестроевиков Московский райвоенкомат города сформировал отдельный дорожно-строительный батальон. Его воины расчищали улицы, дворы от завалов, образовавшихся после бомбёжки и артобстрелов, тушили пожары...

Гитлеровцы блокировали Ленинград. Единственной водной артиллерией, связывающей его с Большой землёй, оставалось Ладожское озеро. Враг принимал все меры, чтобы порвать эту связь, задушить город голодом. Не смог. Когда зима сковала воды Ладоги, дорожный Батальон, в котором служил рядовой Корунный, вместе с другими воинскими частями строил ледовую дорогу. В середине ноября сорок первого года она была уже готова. Под огнём противника было проложено четыре колеи от деревни Кокорево к противоположному берегу озера протяжённостью свыше тридцати километров.

Военные дорожники круглосуточно поддерживали её в проезжем состоянии: очищали от снежных заносов, торосов, заделывали полыньи, образовавшиеся от взрывов бомб и снарядов крупного калибра. Спасали автотранспорт, людей, грузы, попавшие под удар.

По этой дороге беспрерывно поступали в Ленинград продовольствие, оружие, боеприпасы. Из города эвакуировали раненых, детей, больных.

Вражеская авиация в лётную погоду нападала не только на автоколонны и войска на марше, но гонялась даже за отдельными машинами и людьми, расстреливала их огнём из пушек и пулемётов. Днём и ночью рвались немецкие снаряды, прилетавшие из занятого ими города Шлиссельбурга. От этого ада негде было укрыться. Вокруг снег и лёд — всё, как на ладони.

На ледяной трассе дорожники работали по двенадцать часов в сутки, посменно. Сильный мороз, пронзительный арктический ветер пробирал до костей, мокрые валенки.

От недоедания, усталости у некоторых воинов наступала дистрофия. Люди не чувствовали своих ног, руки коченели.

В эту лютую зиму Корунный обморозил руки, ноги, лицо. Попал в медпункт. Подлечили, подкрепили на берегу и снова на Ладогу.

Весна сорок второго растопила ладожские льды. Батальон дорожников направили на участок фронта в район железнодорожной станции Погостье, потом Синявина. Здесь они строят гате-

вые дороги, которые мы в шутку называли «рояльными». Сырые брёвна восьмиметровой длины укладывались вплотную друг к другу, скреплялись скобами с верхними и нижними лагами. По этому настилу, проложенному на болоте, проходили танки, автомашины, тягачи, пушки, колонны людей...

Корунный здесь получил осколочное ранение в обе ноги. Контузия. Госпиталь. Военно-медицинская комиссия признала его совершенно негодным к службе. С таким приговором вернулся он домой.

В мае сорок второго газета «Правда» писала: «Когда-нибудь... страна с глубокой благодарностью узнает о подвиге каждого из тружеников и воинов, проложивших и оберегавших дорогу жизни...»

Один из них – Иван Корунный.

Под колпаком

В сорок четвёртом у меня был связной, парнишка семнадцати лет, красивый, крепкий, смелый. Но молчаливый. Жалел я его.

Напрасно не гонял туда- сюда.

Однажды, только что отбили контратаку немцев, 76-ти миллиметровые пушки стоят во ржи, расчёты чистят их, подносят снаряды. А по соседству с нами – домик латышской семьи. Отсюда комбат другой батареи корректирует по радиации огонь.

Фрицы ему отвечают отдельными выстрелами. Но снаряды попадают точно.

Сразу за строениями паровое поле, на нём открыты ячейки во весь рост, каждая для одного человека.

-Тебе нет необходимости сидеть у этого дома. Тут опасно, - говорю я связному Насовке.

- Отойди метров на сто и заберись в ячейку. Снаряды туда не ложатся.

Он послушался совета. И вдруг снаряд неприятеля попадает в крышу жилого дома и разрывается. Воздушная волна срывает крышу с крыльца, несёт её на паровое поле и опускает аккуратно на ту ячейку, в которой стоит мой связной.

Подбежал к нему, спрашиваю:

-Ты жив, тебя не задело?

-Всё в порядке, - отзывается Насовка.

– Только вот сдвинуть её никак не могу.

Я оттащил крышу в сторону и подал ему руку...

...В общем, гуманно немец выстрелил.

Сумасшедший

Стреловая дивизия прибыла в рабочий посёлок №5. До войны в здешних местах добывался торф. По данным разведки тут располагилась крупная воинская часть противника, которую мы должны разгромить. Местные 18

жители подтвердили эти сведения и сказали, что совсем недавно она куда-то исчезла.

Ранним утром весь состав дивизии выстроили вдоль узкоколейки, ведущей в деревню Жихарево. Седовласый комдив генерал-майор Крюков поставил новую боевую задачу.

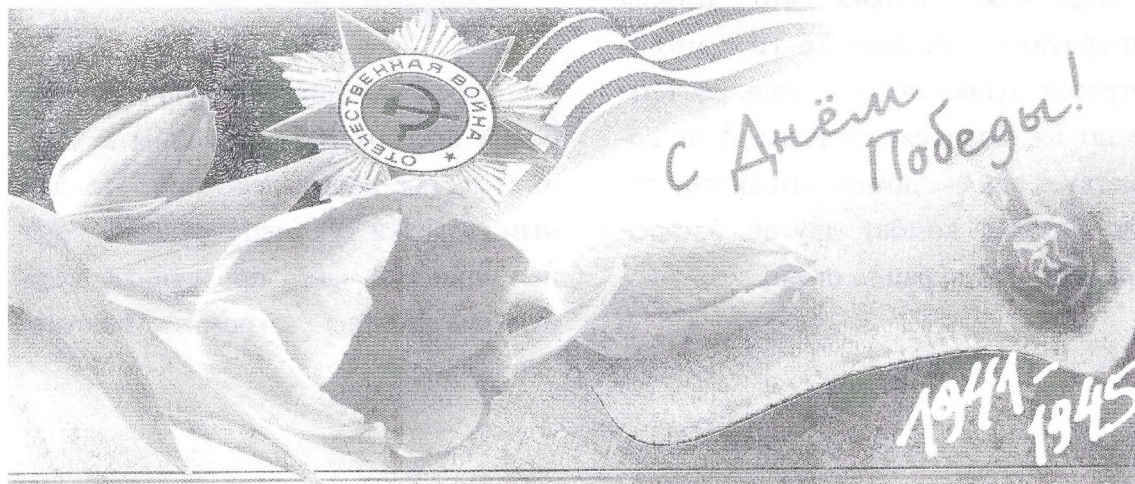
Внезапно на низкой высоте появилась эскадрилья немецких бомбардировщиков Ю-87. По приказу бросились кто куда. Я забился в какое-то небольшое углубление в земле, накрытое плахами. Рядом со мной раздался отчаянный крик: Товарищ воентехник!». Кричавший красноармеец лет сорока, без оружия, залез ко мне с противоположной стороны, твердя одну и ту же фразу.

Схватив за воротник шинели, я попытался его утихомирить, но он продолжал кричать: «Товарищ воентехник!». Потом выскочил наружу. Я - за ним. Зажав его в своих объятьях, изо всей силы заорал: «Прекрати истерику!».

Немецкие стервятники на бреющем полёте утюжили посёлок. Заго-

релись два деревянных барака... Жители бросились спасаться в ближайший кустарник А красноармеец побежал вдоль железнодорожного полотна,

Военфельдшер нашего батальона Пузанов позже рассказал: «Красноармеец, который кричал: «Товарищ воентехник!» сошёл с ума. С сопровождающим его отправили в санбат...»

Уходят люди, память остаётся

В нашей семье было семеро детей. Первой была Шура, она родилась в апреле 1925 года. Следом брат Павел – 1927 года, а дальше девочки – 1929, 1932, 1937 и 1941 года рождения.

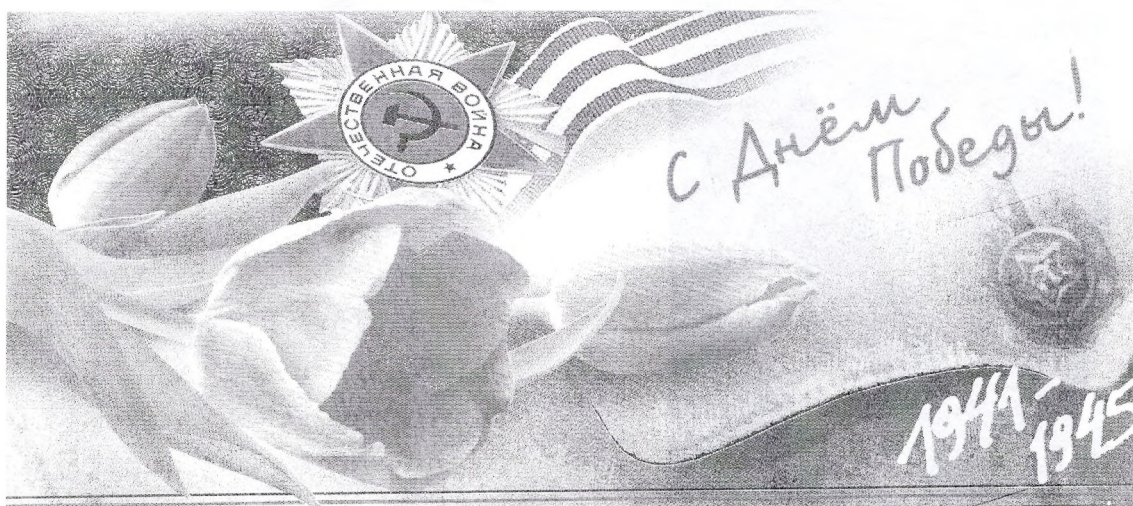
В тот грозный год младшей сестре было только 2,5 месяца. Работал один отец Клоков Пётр Ильич.

В первые же дни войны опустели мастерские. Он был единственным в Сузунских ремонтных мастерских, кто умел обращаться со станками: токарным, фрезерным, слесарным. И этому учил женщин, детей и подростков, пришедших в ЦРМ вместо мужчин, ушедших на фронт. Пять раз отцу доставляли повестки из военкомата и всякий раз давали отбой: он один мастер и начальник на все мастерские. А в репродукторе то и дело слышно: «Огонь по вра-

Вспоминает Шадрина Екатерина Петровна

гу!», «Враг силен, Родина в опасности!».

Тогда Шура обратилась к отцу: «Папа, раз тебе нельзя оставить мастерские, разреши мне пойти добровольцем на фронт. Мы все ахнули. Сидим напуганные, смотрим на отца... Он долго сидел молча, а мы все ждали, что скажет папа. Наконец он спросил:

«Дочка, а тебе не страшно? Не струсишь? Ведь там стреляют!»

Она ответила: «Не струшу! Ты же нас научил стрелять из ружья, да мы с подружками уже договорились, что будем проситься на фронт».

«Ну, тогда иди», – ответил отец.

Через два дня мы увидели: у отца все волосы седые!

Проводили мы свою сестрицу с её подругами, их собирали в Новосибирске для обучения на радиосвязистов. Днём они работали на заводе, отливали пули и патроны, вечером – обучались новому делу, а по воскресеньям работали на строительстве Оперного театра.

Через семь месяцев, по окончании учёбы, Шура была отправлена на фронт.

Мы получали маленькие треугольные письма. О себе Шура, кроме: «У меня всё хорошо», ничего не писала, а в основном спрашивала, как мы учим-

ся, как помогаем маме, где отец, где брат?

Погибла наша сестра при выполнении боевого задания в июле 1943 года, похоронена на Кавказе, в братской могиле.

Брат Павел тоже ушёл добровольцем. Его отправили на Дальний Восток, защищать восточные рубежи от милитаристской Японии. Не раз ему приходилось встречаться со смертью. После очередного боя он сутки продержался в ледяной воде на обломке корабля...

Вернулся домой в 1948 году, но здоровье его было подорвано.

Сейчас его тоже нет в живых. Но мы и теперь наши дети, гордимся их самоотверженностью. Светлая им память.

Р. С. На фото брат Павел и сестра Шура.

Детские воспоминания

Мне было три года, сестре пять с половиной. Когда началась война. Мы жили в Мелитополе. Это на Украине. Уже 23 августа отец ушёл на фронт. Я его не помнила. Зато многое из последних событий запомнилось на всю жизнь.

Помню: тёмное небо и такого цвета огромный самолёт, низко летящий над городом. Мы где-то прятались. Кто-то сказал: сейчас начнётся. Но из самолёта посыпалось много-много листовок с угрозами: сдаваться без боя. И наши войска не выдержали, стали отступать. Мы с мамой стояли у обочины, а по дороге шли и шли наши солдатики, ехали машины, пушки. Мама плакала.

А 13 октября 1941 года в город ворвались немцы на мотоциклах, строча из автоматов. Я до сих пор боюсь мотоциклов и отчётливо слышу тот треск.

Началась жизнь «под немцами». Кроме них были ещё мадьяры, ру-

Шестирко
Валентина Константиновна

мыны, итальянцы и полицаи, которых мы боялись больше всех. Голод, холод, страх быть застреленными, повешенными, брошенными в колодезь, угнанными в Германию.

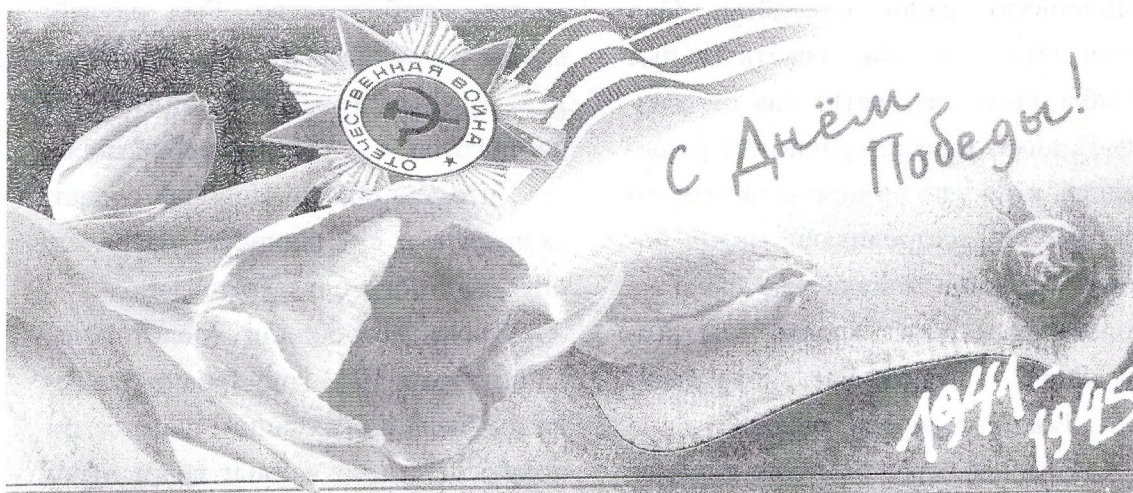
Мама оставляла нас у чужих людей и уходила по сёлам менять одежду на кукурузу. Мы остались голые, всё проели.

На фото Константин
Васильевич Шестирко.
12 августа 1945 г. Чехия.

В 1942 году из Германии пришла открытка на немецком языке, что наш отец находится в плену, в концлагере. Как потом

рассказывал отец, её послал молодой немец, который жалел его, подкарм-

ливал и даже спас его от неминуемой смерти в лагере.

Мы питались травой: паслён и другая трава. Благо, дом стоял на окраине города. А ещё у нас была собака Рэкс. Он бегал на помойку офицерской столовой и иногда приносил домой заплесневелый хлеб, зарывал его в землю, а мы с сестрой доставали, отряхивали от земли и ели.

Летом 1943 года стали всё чаще происходить облавы. Эшелоны с людьми уходили в Германию. И тогда наши самолёты разбомбили вокзал.

Чтобы нас не угнали, мама писала на двери «tif» и платочками повязывала нам лобики. Но облавы продолжались. И очередь дошла до нас. Ближе к вечеру всех строили в колонны и гнали по направлению к Днепропетровску, там был фильтрационный лагерь, там распределяли кого куда: в Германию, Польшу, Австрию и т. д.

Видимо, в городе существовало партизанское подполье, которое координировало наши самолёты. Они сбрасывали на нас осветительные бомбы, было так светло как от сварки. Паника, толчея, крики. Все разбежались, кто куда, но немцы почему-то уже нас не расстреливали, может потому что наши войска уже были на подступах к Мелитополью. Мы возвращались в город, нас снова ловили... Так повторялось трижды.

Начались страшные бои, которые вошли в историю Великой Отечественной войны. Мелитополь несколь-

ко раз переходил «из рук в руки». Мама говорит, что вода в реке Молочной была красной от крови. Помню, когда бои закончились две огромных горы трупов наших солдат и немцев и две

Справка выдана для предоставления пособия семье солдата.

длинные траншеи, куда их хоронили.

Когда шли бои, мы прятались в погребе — пять женщин с детьми и старенький дедушка. Соседний дом горел, было очень страшно. Над нами летали с двух сторон снаряды и мины, с воздуха — бомбы. Ад! Но было детское любопытство. Был случай: мама с женщинами уползла перевязывать раненых, а мы с сестрой вылезли из погреба и сидели «любовались» тем, что творилось. Подполз солдат, схватил нас «за шкурки», накричал, опустил в погреб и закрыл люк.

Когда освободили Мелитополь, 13 октября в 1943 году (ровно два года мы были в оккупации) наша семья получила статус «семьи врага народа», потому, что отец был в плену — куда он попал в бессознательном со-

Он не долго жил после войны, и мы стали изгоями без средств существования. Маму привлекли на работы в колхоз и отправили за несколько километров от города, на полевой стан. А мы с сестрой остались одни. Сестре было меньше восьми, а мне чуть больше пяти лет. Ходили по дорогам, собирали абрикосовые косточки, но в основном траву – паслён. За колоски расстреливали на месте. Но мы всё равно ползком их воровали. А когда по ночам мама приходила за десятком километров нас провести, то оставляла нам несколько зёрнышек. И за это её могли бы, если не расстрелять, то посадить в тюрьму.

День Победы! Не было радио, газет, город лежал в руинах. Соседка громко постучала в окно, мы выбежали, во дворе уже было много женщин и детей. Обнимались, целовались, и плакали от радости и от горя: многие получили похоронки, извещения, что пропал без вести, о нашем отце ничего. И только в июле 1945 года пришла долгожданная открытка из Чехии. Отец жив! Ещё одна Победа!

Оказывается, отец трижды бежал, из плена дважды ловили, били. На третий раз всё -таки убежал, вышел на территорию Чехии, занятую американцами. Они долго уговаривали остаться у них, но отец добивался передачи его нашим войскам.

Добился и ещё освобождал Прагу. Домой вернулся в ноябре 1946 года. Его не было больше четырёх лет. Так для нас всех закончилась ещё раз война и пришла долгожданная Победа!

P. S.

Почему-то очень многое осталось в памяти из тех страшных лет. Пусть никогда, нигде не будет войны!

Семейная история

Вспоминает
Глотова Татьяна

Мои будущие родственники – мать и дочь - Ольга Трофимовна и юная Клава жили до войны в знаменитом городе на Неве. Вот как они рассказывают о первом дне войны.

«Яркий солнечный воскресный день. На Невском проспекте расклеены афиши с портретами Леонида Утёсова. Кинотеатр «Великан» полон зрителей. На летних площадках танцы. Юные ленинградцы в белых панамках и белых носочках бегают вокруг памятников Кутузову и Барклаю-де-Толли. И вдруг тихий шёпот среди гуляющих красивых людей: «Немцы бомбят Ригу, Таллинн, Даугавпилс, а это рядом с Ленинградом! Почему молчат радиостанции?»

А потом звучала информация о начале войны. Казалось, голос Левитана стал страшным приговором. И всем стало ясно, что время поделилось на «до войны», «во время войны» и «после войны». Последнее

уготовано лишь немногим счастливым, кому суждено будет пережить лихолетье».

Немецкие налёты на город начались уже в первые недели войны. Были уничтожены крупные продовольственные склады - Бадаевские. Это был первый звоночек приближающегося голода. Все заводы города перешли на выпуск военной продукции. К станкам встали женщины. До середины девяностых годов на ленинградских домах сохранились надписи: «Внимание! При артобстреле эта сторона улицы является наиболее опасной!». А звук ленинградского метронома навеки останется в памяти переживших блокаду.

Положение на фронте ухудшалось, немцы постепенно отрезали город от всей страны. Ольга Трофимовна уже работала на военном заводе и собирала ручную револьверы, пистолеты.

Только тем, кто оборонял город и создавал продукцию для фронта, давалось питание, а остальные – старики, дети считались иждивенцами, им паёк сокращался. За водой ходили к Неве. Это был способ выжить: кто ленился и не вставал с постели – там и умирал, а кто каждое утро поднимал сам себя, тот и выжил, вспоминали позднее родственники. Многие работающие воюющие ценой своей жизни спасали детей. На кладбище Александро-Невской Лавры я увидела могилу с такой надписью: «Капитан... умер от голода в блокаду, отдавая свой паёк сыну». Вот и Ольга Трофимовна приносила котелок с едой своей дочери Клаве.

По дороге жизни через Ладожское озеро они были эвакуированы в Сибирь. Так началась другая жизнь, полная крестьянских забот. Здесь Клава встретила своего будущего супруга. И днём свадьбы стал победный майский день.

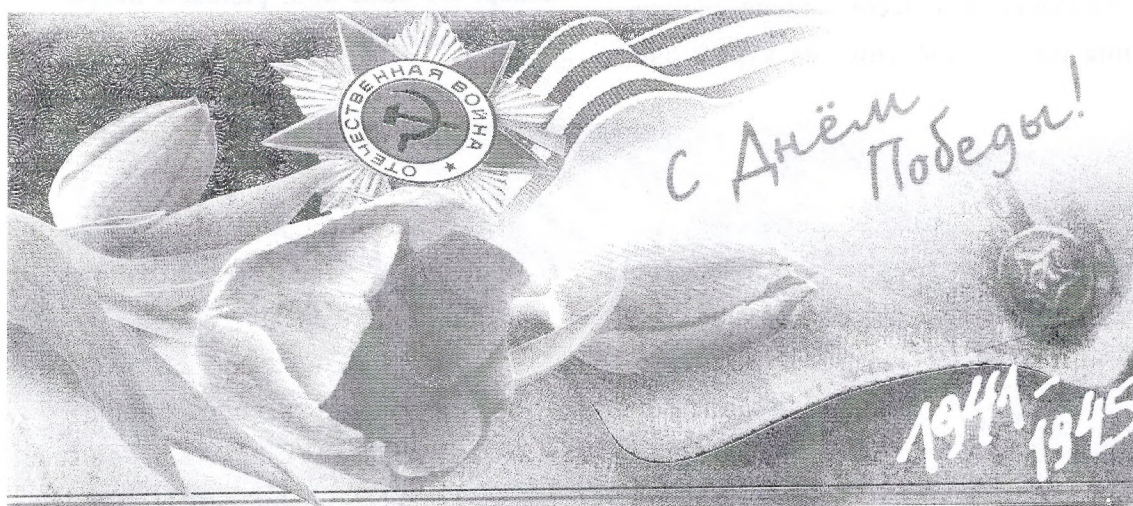
Ленинградцы вернулись в освобождённый город. Недалеко от их дома на пьедестале стоит танк Т-34 с

табличкой: «Здесь в 1941- 1944 годах проходила линия обороны города». У подножия памятника всегда живые цветы. Дом моих родственников находится за линией Ленинградской обороны – уже на немецких позициях. Такова ирония судьбы...

При нынешнем благополучии эта семья хорошо помнит все тяготы войны, воспитала в нас, молодых, особое отношение к хлебу. К столу всегда подаётся чёрный хлеб, его называют в этом доме солдатским.

При каждом моём приезде в город мы идём на Пискарьёвское мемориальное кладбище. Когда смотришь на берёзки и надгробия, уходящие в бесконечность, проникаешься атмосферой тех лет. Именно тут благополучные иностранцы понимают, что за нация эти русские, и как велика её внутренняя мощь.

И каждый раз мы думаем о том, какое великое счастье даровано нам – родиться и много десятилетий жить в мирной стране.

Автобиография

**Асташин
Дмитрий Корнеевич**

19 22 июня 1941 г. Киев

товодов, которые закончил в 1939 году и поступил на работу продавцом в сельпо села Барсуково Тальменского района.

РФ
УПРАВЛЕНИЕ АРХИВНОГО ДЕЛА
АДМИНИСТРАЦИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
ОТДЕЛ СПЕЦДОКУМЕНТАЦИИ
656023, г. Барнаул, ул. 5-я Западная, 85
телефон 33-36-41

182000, Володарская область,
г. Барнаул, ул. Кирова, 16а-5,
Асташину А.Д.

1.02.2000 № 1-1
на № 1-1 от 1.02.2000

АРХИВНАЯ СПРАВКА

Согласно/указу о доходе Дмитрий Корнеевич, 1920г.р., проживавший в Алтайском крае Тальменский район с. Барсуково, был призван в ряды Красной армии Тальменским РКМ 12 октября 1940г. Проходил службу рядовым 11 радиовзвода 48 инженерного батальона, для полного 24 сентября 1941г. около ст. Барнаула, находившийся в лагере в концлагере на территории Германии с 24 сентября 1941г.

Приказом проверки 4 мая 1945г. в филиальном-проверочном пункте ОМР "СМЕРН" 49 армии 24 СДП.

СООБЩАЕТ: ОР-2, ОП.3, Д.80, Л.380.

Начальник отдела: Г.Д.Иванов
Иванов

Я, Асташин Дмитрий Корнеевич, русский, родился 20 декабря 1920 года в селе Орёл, Зелёно-Рощинского сельского совета Парфёновского района, поступил в семилетнюю школу в селе Клочки, закончил семь классов. После окончания школы поступил на курсы сче-

12 октября 1940 года был призван на срочную военную службу Тальменским районным военным комиссариатом, направлен в Киевский Особый военный округ, 48 инженерный батальон, рядовой второго радиовзвода.

Началась Великая Отечественная война. 24 сентября 1941 года при обороне города Киева у станции Баршев-ка раненый попал в плен, находился в концлагере на территории Германии, работал у бюргера – пас свиней, освобождён американскими войсками в апреле 1945 года. 4 мая прошёл проверку отделом контрразведки «Смерш» в фильтрационно – проверочном пункте 49 армии 34 СПП. С мая 1945 года по июнь 1946 года проходил военную службу в 525 стрелковом полку связистом-наблюдателем. Звание младший сержант, присвоено 7 мая 1946 года при прохождении военной службы в 22 гв. т. т. с. Полку.

Уволен с ВС СССР 20 мая 1946 года, наград не имею.

После увольнения в запас выехал в село Орёл Алтайского края. В 1946 году переехал в город Рубцовск к двоюродному брату Александрову Григорию Сергеевичу, который работал на тракторном заводе в автоматном цехе. Устроился в метизный цех, на пружинный участок, поселили в общежитие.

В 1947 году познакомился с Зениной Марией Александровной, 5 декабря 1947 года поженились, а в 1948 году

родился сын Анатолий, а 1958 году – дочь Татьяна. Всю сознательную трудовую жизнь отработал на одном предприятии (1946-1980) Алтайском ордена Октябрьской Революции тракторном заводе им. Калинина в метизном цехе – мастером. Уволен по болезни в декабре 1980 года.

Документы предоставил сын
Астахин Анатолий Дмитриевич.

Автобиография

Родился в 1920 году, в селе Усть-Мосихе Ребрихинского района, Алтайского края в бедной крестьянской семье. В апреле 1941 года был направлен на учебу в Киевское краснознамённое пехотное училище имени рабочих красного Замоскворечья.

В начале войны училище было эвакуировано в Красноярский край, г. Ачинск, учеба проходила по ускоренному курсу и 4-го ноября 1941 года закончилась наша учеба.

Согласно приказа № 174 мне было присвоено воинское звание "Лейтенант", и я был направлен для прохождения службы в 97 отдельный лыжный истребительный - батальон

Седых Иван Яковлевич Ветеран Великой Отечественной войны

на должность заместителя командира роты. Батальон находился на станции Клюквенной г. Уяр Красноярского края.

После прохождения военной подготовки с личным составом, в феврале 1942 года батальон находился на фронте в составе 21 армии, Юго-западного фронта, где и участвовал в боевых операциях по борьбе с немецкими Оккупантами.

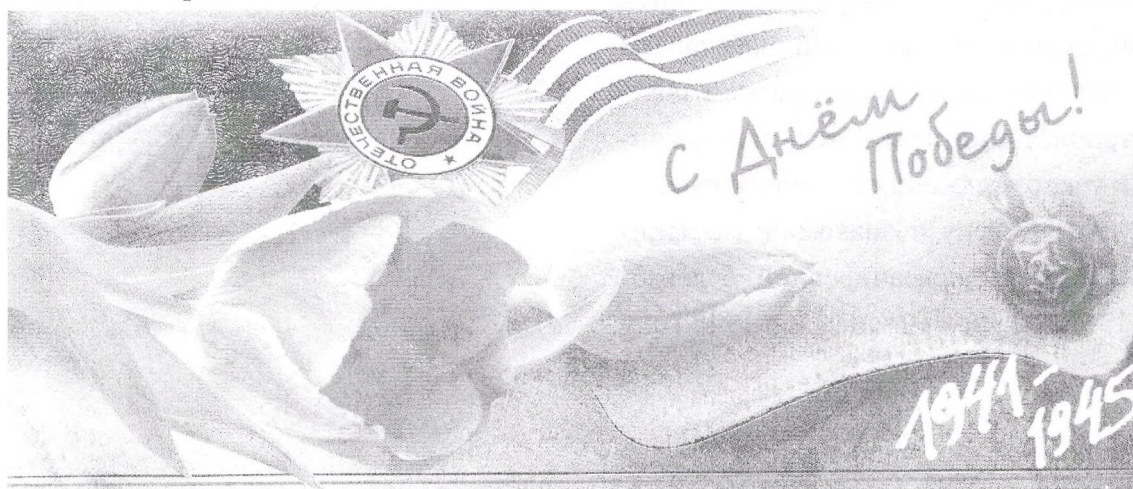
После двух ранений был отправлен в тыл в запасный полк ст. Бердск СИБВО, учебный батальон, где готовили личный состав ведению боевых операций на фронте.

В 1943 году полк передислоцировали в г. Балта I Одесской области (Одесского военного округа), где я прослужил до октября 1948 года.

Уволен в запас по сокращению в звании старшего лейтенанта.

Желание писать стихи появилось в 1984 году, хотя я об этом мечтал долго до их сочинения, однако не было вдохновения.

Знаю, что мои стихи далеки от совершенства, однако они глубоко продуманы и написаны от души.

Подвиг

Во имя Мира на Земле
Бессмертный подвиг совершили,
Кто смертью храбрых пал в войне,
Не дрогнув, в бой с врагом вступили.

Те кто с оружием в руках
И те кто тыл в войну крепили,
Прославив родину в веках,
Народ чьей воли не сломили.

Когда Советская Держава
Пылала в пламени войны,
Ждала немеркнущая Слава
В те дни народы всей страны.

Когда в смертельный бой с врагами
По зову партии в стране.
Был брошен клич: «Москва за нами!
Не быть фашизму на Земле!»

И в бой рвались сыны Отчизны
Ни жизнь, ни крови не щадя,
Чтоб разгромить оплот фашизма,
Спасая Знамя Октября.

И в мирный труд и в дни войны
Народы всей страны едины.
Вот почему мы так сильны,
Вот почему, непобедимы.

Нам чужды мысли о войне,
Мы отвергаем в Мире рабство,
Зато борьбу ведем вдвойне,
За Мир, Содружество и братство.

Май 1985 года

Надпись на фотографии

Взгляни на образ, нелегко
Припоминать о нём порою.
Я от тебя так далеко,
Но мысленно всегда с тобою.

г.Новосибирск, 1943 года

Начало войны

Я помню первый день войны,
Когда фашистские пираты
Бомбили в Киеве мосты;
Вокзал, больничные палаты.

Заводы, лагерь, где тогда
Мы находились на учебе.
Я не забуду никогда,
Как нас подняли по тревоге.

Мы шли в броварские леса
Исполнить клятву боевую.
Десант немецкий в небесах
Не допустить на пядь земную.

У нас желание одно,
Чтоб жить народам без тревоги
Сразить фашистское зверье
В его же собственной берлоге.

Бои под Москвой

Врагов атаки отражая,
Когда Панфилов-генерал,
Смертельно ранен, умирая,
Приказ последний отдавал:

«Громить фашистов беспощадно,
Им передышки не давать.
Другим чтоб было не повадно
На чужих землях воевать!»

У Добосеково разъезда
Панфиловцы-богатыри,
Уничтожая танки немцев,
Стояли насмерть "у двери",

Которая ведет к столице,
Для немцев открывая путь.
Но не дано фашистским фрицам
На площадь Красную взглянуть.

«Хотя Россия велика, -
Сказал Клочков своим солдатам, -
Но позади у нас Москва,
Не дать пройти немецким танкам»

Хотя нас было двадцать восемь -
Фашистских танков пятьдесят.
Мы поклялись, что их отбросим
От нашей линии назад.

Мы превратим их в груды стали,
Для танков дальше нет пути.
Пусть знают: не на тех напали,
Им от возмездий не уйти.

И вот в начале декабря,
Запомнилась мне эта дата
Вдруг задрожала вся земля
От гаубичной канонады.

А там передний край врага
Окутали сплошные взрывы.
Чтобы немецкая нога
Здесь не топтала больше нивы.

Но враг коварен и жесток
Огнем атаки отражает
Пробиться дальше на Восток
Полки немецкие желают.

Фон-Клюге бросил в бой резервы
Свои отборные полки.
Видать не выдержали нервы
Потери слишком велики.

Рубеж штурмуют самолеты
На флангах танки бой ведут.
Для нашей матушки пехоты,
Огнем прокладывая путь.

Рубеж штурмуют самолеты
На флангах танки бой ведут.
Для нашей матушки пехоты,
Огнем прокладывая путь.

Ура! Вперед, еще бросок
Враг задержался у дороги,
Теперь ему не на Восток,
На Запад унести бы ноги.

К 45-й годовщине Великой Победы

Еще не все зарубцевались раны,
Оставшихся на память от войны.
Но поименно помнят ветераны
Однополчан, погибших без вины.

Их прах войной развеянный
повсюду,
И Бор Мясной и страшный
Бабий Яр.
Я верю, что потомки не забудут,
Их вечно будут помнить стар и млад.

Но не везде ухожены могилы
Заброшенных без имени бойцов
Останки, припорошенные илом,
Непроходимых, заболоченных лесов.

Давным-давно уж кости побелели,
Омыты материнскою слезой.
А годы шли, и головы седели
У матерей, обиженных войной.

И пережито множество тревог,
Скорбящей болью донимает рана
В последний раз взглянула на порог,
Так и не услышав ласковое слово ма-
ма.

Наследникам от ветеранов

Мы никогда не забывали,
Уж сколько лет скорбим о них,
Кто нашу Землю отстояли
Отдавших жизнь за нас живых.

Те кто победу добывали,
Идя в сражение под огнем,
Кто в жарких схватках умирали
В борьбе с ненавистным врагом.

Мы низко головы склоняем
К могилам павших земляков.
Сынам и внукам завещаем
Хранить Отчизну от врагов.

Передаем Вам эстафету
И от погибших и живых.
Беречь с достоинством Планету,
От бед небесных и земных.

Невзгоды с детства Вы не знали
Нигде для Вас преграды нет.
Все лучшее для Вас отдали
Так будьте добрыми в ответ.

Вы наша гордость и надежда,
Вы наша слава, наша честь.
Мы будем верить как и прежде
Что Ваших подвигов не счесть.

Ваш пыл страстей подобен бури
На стройках малых и больших.
От Комсомольска на Амуре,
До штурма Бамовских вершин.

Вас трудности не испугали
В суровой Северной глуши.
За это многие сказали
Спасибо Вам от всей души!

Реванш

Был жаркий бой под Сталинградом,
Враги решили взять реванш.
И сыпались осколки градом
Взрывался сброшенный фугас.

Земля дымилась и стонала
Вода кипела в кожных.
Но пулеметы не смолкали
Дрожа в натруженных руках.

День превращен в ночную темень.
Померкло солнце в облаках.
Но оборона словно кремень
Не отступает не на шаг.

В последний бой вступают танки
С фашистским знаком на броне.
Враг с воздуха ведет атаки,
Враг атакует на земле.

Кроша бетон, взрывая доты
Огонь смертельный бушевал. Тяжелый
бой ведет пехота
Схож чем-то на девятый вал...

Неотправленное письмо

Фролова
Ирина Валентиновна

Я родилась через двадцать лет после твоей гибели.

Я ничего не знаю о тебе. Каким ты был? Что тебе нравилось? О чём мечтал? Кем хотел стать?

Война изменила судьбы миллионов твоих сверстников. Ты приехал на Алтай с одним из эвакуированных заводов... в ноябре 1941 года.

А в январе 1942 ушёл добровольцем на фронт. Дома остались родители и младший брат, Как они ждали весточки от тебя...

В новогоднюю ночь 1943 ты погиб в бою под Житомиром.

Бабушка так и не оправилась, получив похоронку на своего первенца. Она всю оставшуюся жизнь ждала твоего возвращения, прислушивалась к шагам на лестнице, смотрела в окно, не покажется ли её Витенька...

А дед прятал твою фотографию, чтобы не расстраивать её ещё больше.

Я была тогда слишком мала, чтобы расспрашивать о тебе...

Деда не стало, когда мне было пять лет.

И некого теперь спросить. Не со-

хранилось ни фотографии, ни похоронки...

Только фамилия на памятной стеле Мемориала Славы на площади Победы: Кукурин Виктор Михайлович, один из многих тысяч сверстников, не вернувшихся с войны...

Я приду к тебе 9-го мая на Мемориал, как делаю это всегда, со дня его открытия и расскажу обо всём, чего ты не знаешь...

Была война. Была когда-то ...

Не все домой пришли солдаты.

Им 18-20 лет, а старости в помине нет

И каждый снова рвется в бой

За Родину, за дом родной!

Им 18-20 лет и старости в помине нет...

6. 05 2010.

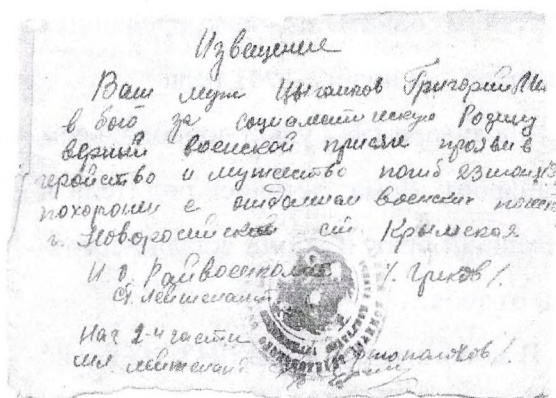
Письмо

Уважаемая Галина Григорьевна!

Наконец - то получил от Вас письмо. Я был уверен, что рано или поздно, будут какие-то вести от Мишиных родных. Действительно с середины до конца июля, а может быть и начала августа (точно не помню) наш 788 стрелковый полк 214 стрелковой дивизии держал оборону с неоднократными попытками перейти в наступление в районе Прохоровки (обоя....кое направление Курской дуги) Каждую нашу атаку немцы встречали ураганным огнём, особенно прицельно стреляли используя, как укрытие наш танк ранее подбитый перед их траншеями. Уничтожить эту огневую точку

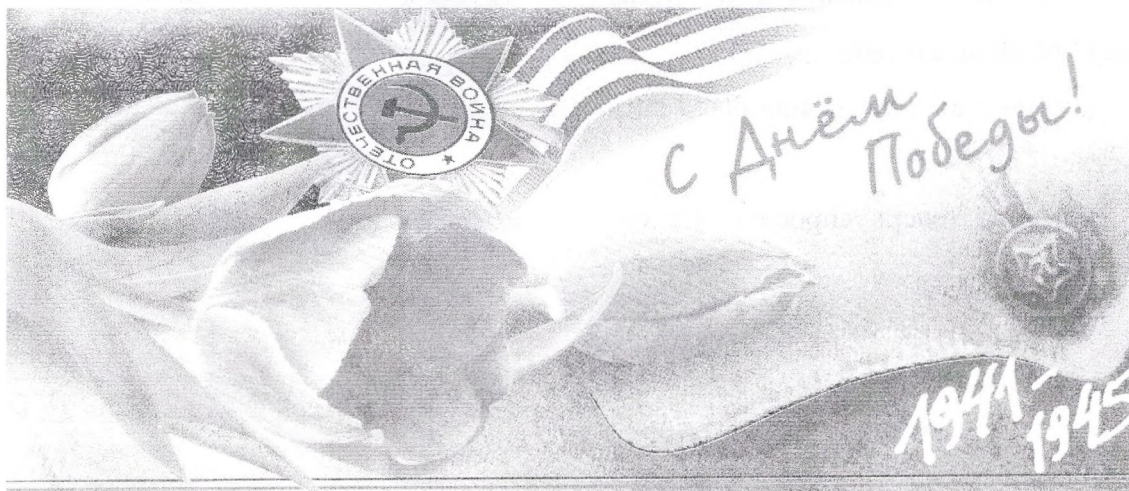
**Материалы о судьбе родного брата
Цыганкова Михаила Григорьевича
предоставила сестра
Галина Григорьевна.**

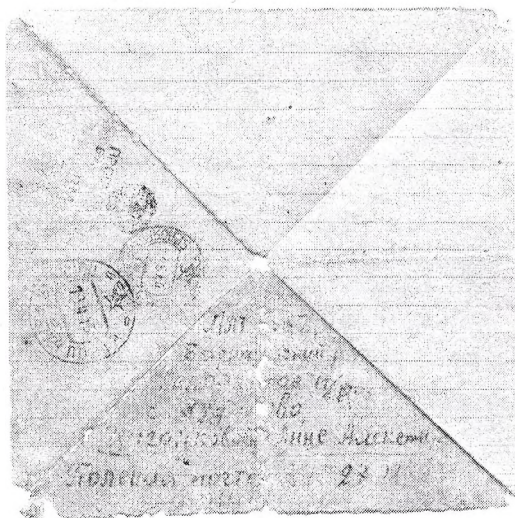
командир роты поручил Мише,
точнее Миша сам
настойчивее других требовал по-

слать именно его.

Мы все, в том числе и Миша понимали цену выполнения этого задания. Перед уходом в блокноте командира Миша написал заявление о приёме в партию, где просил в случае гибели считать его коммунистом. Возможно

Танк Миша поджог бутылками с горючей жидкостью, но не вернулся. Вскоре я был ранен, а после излечения в госпитале попал в другую часть. Мы с Мишей ещё в пехотном училище в Барнауле как-то тянулись к друг другу, даже просили командиров при назначении в наряды посылать нас вместе.

Был ли он у нас дома не помню. Сохранившееся у вас письмо от 14 04 1943 года он писал из под Воронежа, село Таврово, мы там некоторое время стояли, перед тем как выдвинуться на Курскую дугу. Прошло много времени, но каждое моё воспоминание о войне, о боевых товарищах без Миши не обходятся. При первой же возможности я постараюсь встретиться с вами, но это будет не ранее лета будущего года. Если же вы сможете прие-

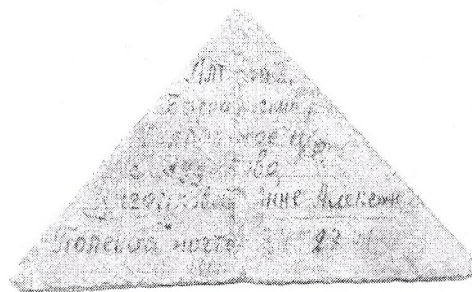
хать ранее пожалуйста приезжайте , буду очень рад.

Передавайте привет родным, особый – маме.

Желаю вам доброго здоровья и успехов во всём.

С уважением Вениамин.

Стрелковый 788 полк 214 стрелковая дивизия

Цыганков Михаил отправил письмо с фронта своим родным. Это единственная информация о нём. И только спустя много лет сестра Галина получила письмо от друга Михаила – Вениамина Бахарева и узнала о дальнейшей судьбе своего брата.

Здравствуйте дорогие мои, мама, Боря, Надя и Галя.

Шлю я Вам, свой Красноармейский привет и желаю всего хорошего в вашей жизни.

Я, мама, жив, здоров, чего и Вам желаю.

В часть прибыли 14 апреля 1943 года.
Стоим близ Воронежа село Таврево.
Зачислен, мама, я в бронбойщики.
Буду, мама, с честью бить фашист-
ские танки из бронбоек. Я, мама,
вместе с Бахаревым, он жил в Бар-
науле на улице Анатолия, дом 17.
Ну, мама, пора, до свидания.

Мой адрес: полевая почта

Уважаемая Галина Григорьевна!
Наконец-то пишу к Вам письмо. Я был
уверен, что рано или поздно, будут какие-то
вести от ваших родных. Действительно,
с середины прошлого июля, а может быть
и начала августа (точно не помню) наш 488
стрелковый полк, 214 стрелковой дивизии дру-
жил в оборону с немцами в районе Троицкой
(вдольское направление Курской дуги).
Вот тогда нашу атаку немцы встретили
ураганной огнем, особенно прицельно стре-
лами используя, как говорится, наш танк
ранее подбитый перед их танками.
Уничтожив эту основную технику командир
роты поручил мне, тогдашнему командиру
нашего взвода, срочно требовать помощи
его. Мы все, в том числе и мыша
показали ему внимание этого задания.
После ухода в больницу командира мы
написали заявление о приеме в партизаны.

